

Фрагмент романа Гэри Шмидта «Битвы по средам»

«— Мистер Вудвуд! — торжественно произнесла учительница. — Мы с вами упустили много возможностей.

— Каких? — Я опешил.

— Интеллектуальных. С этого дня мы каждую среду будем читать Шекспира.

— Шекспира, — послушно повторил я.

— Повторять мои слова совершенно не обязательно. Я считаю, что Шекспир вам вполне по силам.

Я покорно кивнул.

— Для начала мы с вами прочитаем вслух «Венецианского купца» — хочу убедиться, что вы справляетесь с языком. Всё-таки пьеса написана в конце шестнадцатого века. Ну а потом будете читать сами.

Читать Шекспира. Ишь, чего учудила! Учителя заставляют детей читать Шекспира, когда хотят уморить их окончательно. Насмерть. Особо изощренным способом. Она собирается убивать меня медленно, еженедельно, целых восемь месяцев! Кто ж это выдержит?

— Вы уверены, миссис Бейкер? Хотите, я лучше тряпки повыбиваю?

Учительница покачала головой. —

Нет. Уборки больше не будет....

«Венецианский купец» оказался неплохой вещицей, нескучной.

Хотя до Стивенсона Шекспиру, конечно, далеко. И всё, что связано с ростовщиком Шейлоком, поначалу показалось жуткой тягомотиной. Но потом-то он себя проявил! Он готов вырезать у Антонио сердце, если тот просрочит с выплатой по векселю. Ведь и Джон Сильвер поступил бы точно так же!

А потом входит Порция и произносит слова, от которых всё вообще с ног на голову переворачивается. Она говорит, что Земная власть тогда подобна Божьей,

Когда с законом милость сочетается.

Когда миссис Бейкер прочитала эти слова, у меня аж мурашки по всему телу побежали.

Только Шейлок — мне не чета, его так просто не прошибешь. У него руки чешутся пырнуть должника ножом. Но тут снова вступает Порция, снова всё переворачивает шиворот-навыворот, и дело кончается тем, что судья отпускает Антонио.

Не действует по принуждению милость;

Как тёплый дождь, она спадает с неба

На землю и вдвойне благословенна:

Тем, кто даёт и кто берет её.

Меня эти слова прямо до нутра пробрали.

Так что новый коварный замысел миссис Бейкер тоже провалился.

* * *

Мы продолжали разбираться с «Венецианским купцом» и в самом конце октября пьесу дочитали. И тут миссис Бейкер попросила меня высказаться. Проанализировать образ Шейлока.

— Он вроде неплохой, да? — сказал я.

— Конечно неплохой, — согласилась миссис Бейкер.

— Он такой человек...

— Какой?

— Ну, он хотел бы жить по-своему. Поступать, как ему хочется.

Миссис Бейкер задумалась.

— А у него получается? — спросила она, помолчав.

Я покачал головой.

— А почему?

— Так ему же не дают. Все вокруг ждут от него определенных поступков. И он так и поступает. Деться ему некуда.

— Потому-то жанр этой пьесы — трагедия, — заключила миссис Бейкер...»